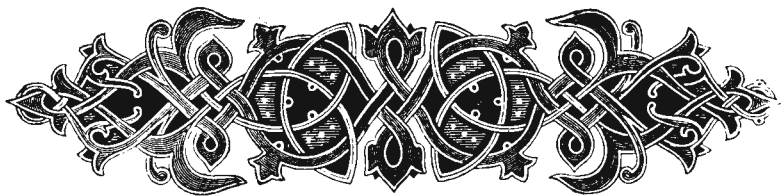

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
ІЮНЬ, 1912 Г.

ЕВГРАФОВЪ.

(Изъ жизни въ Туркестанѣ).

В СЯ СТЕПЬ далеко-далеко успокоилась...

Не слышно обычнаго шума; стада барашковъ и верблюдовъ улеглись на покой.

Земля какъ бы отдавала обратно все тепло жаркаго солнца, принятое въ теченіе дня...

Партія рабочихъ только что вернулась, и все разбрелось по кочевью.

Я вышелъ изъ юрты.

Вдали мелькали огоньки костровъ, около которыхъ виднѣлись кучки рабочихъ и казаковъ.

Темная, звѣздная ночь закрывала все кочевье.

Пройдя въ безмолвную степь, я пришелъ къ ручью, который шумливо бѣжалъ куда-то вдаль, и, сѣвъ на отлогомъ, мягкомъ берегу, невольно задумался о прошломъ, о далекомъ Петербургѣ и родныхъ.

Вблизи меня, шагахъ въ десяти-пятнадцати послышалось сначала слабое трепканье балалайки, а потомъ кто-то удивительно-мягкимъ, симпатичнымъ теноромъ запѣлъ:

«Ахъ, ты, милая моя! объ одномъ прошу тебя...

«Не забудь только меня—жизнь свою, ты, вѣдь, знаешь, всю отдамъ я для тебя».

Послѣдняя фраза была выкрикнута, словно съ какой-то сердечною болью.

— Кто здѣсь?—кликнулъ я.

Около меня появилась фигура въ бѣлой рубахѣ.

Въ подошедшемъ я сразу узналъ запѣвалу и перваго весельчака моего конвоя—казачьяго урядника Евграфова.

— Что это ты, братецъ, скучное заплѣлъ, али ночь затуманила?— шутливо спросилъ я его.

— Такъ что, однако, ваше благородіе, меланхордія чувствъ у меня,—задумчиво и степенно отвѣтилъ мнѣ Евграфовъ.

— И, видимо, такъ понимаю я,—продолжалъ онъ:—не сносить мнѣ моей буйной головушки и на льготу, въ запасъ, значить, не выйду и не иначе, какъ здѣсь, въ этой проклятой Туркменіи, сложу свои бранныя кости,—патетическимъ тономъ закончилъ онъ.

— Ну, братецъ, ты глупости городишь: такой здоровенный парнишка и вдругъ помирать собираешься; ты еще поживи—честныхъ дѣвочекъ помутитъ,—поддѣлываясь подъ казачій «говоръ», отвѣчалъ я.

— Эхъ, ваше благородіе, дозвольте вамъ, однако, все въ подробности доложить; можетъ, и разсудите горе мое безталанное, только изволите ежели выслушать, то сами обсудите и какъ тому быть по разуму вашему ученому скажите, а я сообразно съ этимъ и поступки свои буду имѣть,—изволнованно заговорилъ казакъ.

— Ну, ладно, говори попросту, что могу, то посоветую: садись вотъ тутъ рядомъ и разсказывай, что у тебя на душѣ

— Такъ что, однако, мы и постоимъ; а только зато все мы, казачки и рабочіе, дюжо любимъ васъ, что ужъ очень вы просты будете, ваше благородіе, и такъ надо понимать, что нашего брата простака-дурафлея жалѣете.

— Да говори прямо, не таранти,—повысилъ я голосъ:—садись, я тебѣ приказываю,—докладай, что съ тобой, что душу твою волнуетъ, о чемъ скорбишь.

Евграфовъ осторожно усялся около меня, снялъ фуражку, разгладилъ рукой свои густые, рыжеватые кудри, потрогалъ зачѣмъ-то серебряную серьгу въ правомъ ухѣ и застѣнчиво заговорилъ:

— Такъ что вотъ, однако, ваше благородіе, изволите говорить, чтобы попросту я докладывалъ вамъ. Вотъ, значить, извольте выслушать—не обидьтесь. Я это съ Дону и по старой вѣрѣ состою и у себя въ станицѣ завсегда былъ первый—что въ хору, что на клиросѣ, даже въ начетчикахъ былъ, а ужъ на посидѣлкахъ ухаристій меня и ни одного казачка не было.

Пригнали это меня, когда срокъ подошелъ, съ Дону сюда службу царскую отбывать; страна здѣсь не то что худая, противъ нашей устоитъ—воздухъ мягкій, фрукты этой всякой, али тамъ бараннины жуй сколько хочешь, а только все какъ бы несерьезно — ни тебѣ щей, ни тебѣ каши и народъ несуразный, глаза пучить, слова говорить, а что лопочетъ, Богъ его знаетъ, можетъ, и ругается, не разберешь.

— Однако, пообошлось, службу справлялъ какъ слѣдуетъ, вотъ къ Покрову два года ужъ будетъ. Днемъ ученье, гг. офицеры, хоть и наши же гаврилычи, хотя и въ Россіи побывали, образовались,

а не очень, значить, насчетъ мордобія или прижимки, такъ больше промежъ себя въ карты играютъ и пьянствуютъ; однако жить можно и насчетъ свободы времени, въ особенности вечеромъ, очень даже прекрасно. А тутъ вотъ васъ съ рабочими пригнали—телеграфъ этотъ строить. Страна, однако, какъ докладывалъ вамъ, прямо дикая, конвой полагается, и вотъ по жеребью попалъ и я къ вамъ, и, сколь, можетъ, замѣтили, за всѣ три мѣсяца, чтобы, значить, ничего худа не сдѣлалъ, и отъ васъ тоже всѣ мы, окромя веселія и ласковости, ничего не видали. Живемъ себѣ вольготно. И встрѣнсья мнѣ тутъ чортъ на дорогѣ, не въ ночь будь помянуть...

И Евграфовъ, сплюнувъ въ сторону, наклонясь мнѣ къ уху, прошепталъ.

— Полюбилъ, ваше благородіе, да вѣдь вотъ задача,—такъ полюбилъ, что никакой тебѣ возможности, отъ нищизни отбился, коня уважать и глянцовать пересталъ.

— Все это было по-хорошему, —тоскливо продолжалъ Евграфовъ:—а вотъ поди жъ ты, полюбилъ, и баба-то ледящая, ни мяса, ни кожи, а только глаза большущіе, жалобные. Полюбилась и шабашъ, яснымъ солнцемъ стала, дороже жизни, все, все собою закрыла предъ глазами, только ее и вижу, и вѣчно одна она у меня предъ глазами маячить. И главное-то, жизнь у нея больно суровая, мужъ ея, можетъ, знаете, Базелить-тюря, что въ концѣ кочевья живетъ, туркменъ богатѣйшій, а самъ толстый, старый, съ однимъ глазомъ, другой вытекши. У него женъ восемь штукъ, и дѣти ужъ взрослые есть, и всѣ-то они ее, мою бѣдную голубку, бьютъ и тираниятъ, житья не даютъ. А она, куды урвется, прибѣжить вечеромъ сюды на бережекъ и не плачетъ даже, а вотъ словно конь, когда его въ сердцахъ подъ животъ ногой вдарить, такъ онъ только кротко, вразумительно на тебя взглянетъ: «зря, молъ, бьешь»,—такъ и она сядетъ это супротивъ меня, рученьками головушку подопретъ и таково жалостно смотреть и меня еще все утѣшаетъ, чтобы я не распалялся и ея стараго дьявола не порѣшилъ. А просить, чтобы я честь-честью службу царскую отбылъ и въ свои мѣста вернулся; а я, говорить, «дорогой ты мой, сбѣгу отъ постылыхъ людей, въ твою вѣру перейду и къ тебѣ въ хозяйки поступлю, женой вѣрной буду».

Евграфовъ замолчалъ, склонивъ голову.

Меня заинтересовалъ этотъ безхитростный романъ, и я сталъ разспрашивать казака о подробностяхъ, о томъ, какъ онъ познакомился, а главное, какъ при своемъ «казацьемъ говорѣ» объясняется со своей возлюбленной.

— Это что, ваше благородіе,—со скорбью въ голосѣ заговорилъ Евграфовъ:—познакомился вотъ черезъ балалайку, когда по вечерамъ здѣсь тренькать приходилъ, а говорить она по-нашему хоть и не очень явственно, однако понять завсегда можно; да вѣдь для

любви, что для смерти, всѣ люди равны: понимаемъ мы другъ друга. Печаль моя великая въ томъ, что какъ я ее къ себѣ въ станицу возьму... У насъ это по старой вѣрѣ строго, благочестіе, све-кровь до седьмой крови бьетъ а мамынька у меня, почитай, что дикая—серьезная старушка: на руку люта, старшаго женатаго брата, а не токмо меня, чуть что не по праву—сейчасъ нагайкой дубасить; а тутъ она, вольная птица, что орелъ, гордая, отъ своихъ терпитъ, а съ другихъ не снесетъ, и боюсь, что либо зачохнетъ, либо надъ собой что неладное совершить. А то, и еще что хуже, не примутъ ее у насъ въ станицѣ и заключуютъ ее, словно вороны черные...

Евграфовъ поднялъ на меня свои глаза, въ которыхъ мелькали росинки слезъ.

— Какъ вы, ваше благородіе, располагаете: будетъ ли ей житъся хорошо въ станицѣ моей, али худо будетъ?—съ беспокойной тоской спросилъ онъ.

Я молчалъ, не зная, что отвѣтить.

— А безъ нея мнѣ и жизни не падо,—упрямо, тряхнувъ кудрями, произнесъ казакъ.

— Лучше мнѣ тутъ погибнуть, чѣмъ ея жизнь заѣдать.

— Вотъ что, Евграфовъ,—вставая, сказалъ я:—сейчасъ поздно, спать пора. Ты, вѣдь, поди ее поджидаешь, а я домой пойду, подумаю; завтра утромъ зайди ко мнѣ: можетъ быть, что-нибудь и придумаю, тогда скажу.

— Покорно благодаримъ, ваше благородіе, счастливо почивать,—радостнымъ голосомъ отвѣтилъ Евграфовъ, отдавая честь.

Придя въ свою юрту, я сталъ перебирать всѣ подробности этой оригинальной любви двухъ вольныхъ дѣтей степи, всѣ условности ихъ жизни и искать выхода для нихъ.

Невольно мысли отклонились въ сторону. Поились больныя, жгучія воспоминанія изъ моей жизни, когда я тоже находился среди ненужныхъ условностей жизни и мнѣ жизнь поставила столько препятствій, что не смогъ я ихъ взять и упалъ, расшибленный, подбитый, съ великой мукой въ сердцѣ и со злобой на людей, что сами себѣ поставили перегородокъ и тоскуютъ въ нихъ безъ просвѣта.

Мнѣ вспомнились: блестящій, залитый тысячею огней залъ Маринскаго театра въ Петербургѣ, нарядныя, декольтированныя женщины, изящные фраки, мундиры военныхъ...

Со сцены несутся призывные звуки страдающаго сердца: «Кармень, Кармень! Скоро ль ты будешь моею?»

Появляется Кармень, сладострастно-наглая, вся огонь и вся бездушное кокетство; слышится дразнящее: «можетъ быть, сегодня, а то и никогда».

Я наклоняюсь къ уху той, что такъ же мнѣ дорога, какъ Евграфову его туркменка, и тоже не свободной, а связанной паутиной жизни, но спокойно сидящей въ первомъ ряду логи, знающей, какъ страдает мое сердце, и слышу въ отвѣтъ на мою мольбу:

«Я люблю, васъ люблю, но судьба, обстоятельства, все противъ насъ».

Проклинаю эти ужасныя условности жизни, безумствую, а жизнь еще скорѣй старается доказать мнѣ, что я жить не умѣю...

Я заснулъ...

Утромъ рано почувствовалъ, что меня кто-то будить.

Съ испуганнымъ, блѣднымъ лицомъ предо мной—старикъ-туркменъ, старшина кочевья.

— Вставай скоро, благородій, вставай, бачка: беда большой случилась,—торопливо бормоталъ онъ, теребя меня за плечо:—большой грѣхъ: казака зарѣзали.

Я быстро поднялся, и первое, что мелькнуло въ мозгу: Евграфовъ...

Мое предчувствіе оправдалось.

Быстро одѣвшись, взявъ револьверъ, вышелъ изъ юрты. Солнце палило во всю.

По кочевью съ гортанными криками, по направленію къ ручью бѣжали мужчины, женщины и дѣти. Мой слуга торопливо сѣдлалъ лошадь.

— Давай скорѣй,—крикнулъ я и, вскочивъ въ сѣдло, сразу галопомъ погналъ къ ручью.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ на бережку, гдѣ ночью бесѣдовалъ съ Евграфовымъ.

Растолкавъ лошадей столпившихся людей, спрыгнувъ съ лошади и прошелъ впередъ.

Среди насторожившейся толпы, широко раскинувъ руки, лежалъ на пескѣ Евграфовъ...

Голова его была почти отдѣлена отъ шеи... Кровь большими темно-красными пятнами густо запеклась на груди бѣлой рубахи..

Два свѣтло-голубыхъ глаза смотрѣли куда-то далеко въ небо, въ непонятную высь...

Смотрѣли пытливо, точно ждали отвѣта на вѣчный вопросъ о жизни, любви...

Мнѣ сразу вспомнился нашъ вчерашній разговоръ, его наивныя просьбы посовѣтовать, какъ ему быть, и желаніе создать себѣ счастливую жизнь со своей милой...

Тѣло было уже холодное.

Съ большимъ усиліемъ закрылъ я ему глаза и сложилъ на груди застывшія руки.

Кругомъ стояли туркмены, мрачные, опутивъ глаза внизъ и держась правой рукой за кипжалы. Съ любопытствомъ, свойствен-

нымъ женщинамъ, забывъ весь стыдъ и повелѣніе Корана, туркменки съ открытыми, безъ чадры, лицами, толкаясь, старались заглянуть въ лицо покойнику.

Все молчали.

Изъ кочевья быстрымъ шагомъ, одѣваясь на ходу, съ винтовками въ рукахъ спѣшили казаки конвоя, сзади бѣжали рабочіе, вооруженные чѣмъ попало подъ руку.

Вдругъ сразу раздался неистовый, визгливый крикъ: «ай кчу буръ!» (все равно).

И, расталкивая толпу любопытныхъ, въ кругъ, образовавшійся около трупа, быстро вбѣжала молодая туркменка въ темно-пунцовыхъ шальварахъ и голубой шелковой бикирю (рубаша съ рукавами). Черные волосы ея были распущены, а въ глазахъ я увидѣлъ безуміе. Не обращая ни на кого вниманія, она бросилась сразу на грудь Евграфова и, молча прильнувъ къ его губамъ, медленно цѣлуя ихъ, глаза, носъ, лобъ и волосы, перемѣшивая русскій съ туркменскимъ языкомъ, заговорила тихо, какъ бы съ живымъ, нѣжно глядя рукой по курчавымъ волосамъ:

«Тебя убили, мой дорогой, ты убитъ, мой орелъ, жизнь моя, свѣтъ очей моихъ, жемчужина моего сердца!.. Но это—ничего: я тоже уйду вмѣстѣ съ тобой, и мы будемъ всегда вмѣстѣ,—какъ ты звалъ, обѣщаль... Намъ хорошо будетъ вмѣстѣ».

Въ это время послышался drobный скокъ коня.

На неосѣдланной лошади, взнузданной арканомъ, держа въ правой рукѣ громадный, блестящій на солнцѣ кинжалъ, пригнувшись къ шеѣ лошади, съ гиканьемъ мчался молодой туркменъ, который все время кинжаломъ наносилъ удары по шеѣ и головѣ лошади, и та отъ боли летѣла, какъ вихрь, почти разстилаясь по землѣ.

Шея и грудь лошади были залиты кровью.

Прежде, чѣмъ кто-нибудь могъ что-нибудь сообразить, туркменъ, какъ мѣшокъ съ вѣсомъ, быстро свалился съ лошади и съ крикомъ:

— Бій-ки-дра мона-нуръ (смерть тебѣ за отца),—сталъ наносить одинъ за другимъ удары кинжаломъ въ спину склонившейся надъ трупомъ Евграфова туркменки...

Это былъ старшій сынъ Базелить-тюря.

Женщина вздрогнула и, вся облитая кровью, безжизненно вытянулась на трупѣ казака.

Все это было дѣломъ одной минуты.

— Хватайте его!—опомнившись, крикнулъ я.

Нѣсколько казаковъ и рабочихъ кинулись на туркмена, отняли кинжалъ и скрутили ему руки. Туркменъ не сопротивлялся.

Но было поздно: она была уже мертва!

Подойдя ближе, я увидѣлъ, что женщина крѣпко лѣвой рукой держалась за грудь Евграфова, плотно прильнувъ губами къ его губамъ.

Народъ заволновался, какъ выпущенный улей пчель.

Казаки схватились за винтовки, а туркмены плотнѣе сжали ручки кинжаловъ...

Я выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ вверхъ.

Толпа шарахнулась...

Громко приказалъ казакамъ немедленно вести убійцу въ кочевье, а при трупахъ, оставивъ ихъ пока на мѣстѣ, приставить карауль, остальнымъ же уйти прочь.

Толпа туркменъ, казаковъ и рабочихъ мрачно, въ молчаніи, стала расходиться.

Разстроенный, шагомъ поѣхалъ я въ свою юрту и сѣлъ писать рапортъ по начальству объ этомъ кровавомъ происшествіи...

Въ это время ко мнѣ въ юрту вошелъ старикъ-урядникъ, начальникъ казачьяго конвоя.

Медленно, откашлявшись въ рукавъ бешмета, онъ произнесъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе, такъ что, однако, дозвольте доложить. Мы всѣ по старой вѣрѣ стоимъ, а Евграфовъ,—да будетъ пухъ ему здѣшняя земля,—съ басурманкой нечистой связался, за что Господь Богъ и прибралъ его съ этого свѣта... Такъ что, значить, разрѣшите его за оградой, какъ самоубійцу, похоронить... Иначе никакъ не возможно, земля не приметъ... А ейный трупъ этимъ гололобымъ отдать, пущай, какъ хотятъ дѣлають...

— Что такое? Ничего не понимаю?—вскочилъ я.—Какая ограда? что за самоубійца? Говори толкомъ, что тебѣ надо? Какое разрѣшеніе?

— Однако, такъ что,—медленно и степенно продолжалъ старшой:—напрасно изволите гнѣваться, ваше благородіе. Оно, конечно, тоже лестно бумагу эту самую писать,—и онъ мизинцемъ осторожно дотронулся до начатаго мною донесенія.—Вы, ваше благородіе, можно сказать, какъ бы въ волненіи находитесь, а мы, станичники, такъ полагаемъ, что и писать по начальству ничего не надо: умеръ и все тутъ, а все-таки дозвольте намъ Евграфа похоронить по старой вѣрѣ, безъ потрошенія, за оградой, значить: на что шель, то и нашель, самъ виноватень.

И старикъ низко поклонился.

— Какую ограду вы выдумали, когда кругомъ голая степь, и ближе ста верстъ и кладбища-то нѣтъ, да и Евграфовъ вовсе не самоубійца, а его убили?

— Такъ ему и надоть,—упорно, сурово произнесъ урядникъ:—не вяжись съ бабой, а тѣмъ боль съ нехристью, а оградку,—заискивающимъ голосомъ продолжалъ онъ,—ребятки наши быстро изъ кольевъ составлять, а его, значить, около ея честь-честью землѣ отдадимъ. Да и имъ тоже, башколобымъ-то халатникамъ, лестно, чтобы безъ бумаги, безъ начальства, а по-своему тоже зарыть.

— Дѣлайте, какъ хотите, мнѣ все равно,—махнулъ я рукой.

— Слушаю, ваше благородіе,—выкликнулъ урядникъ и ушелъ.

Я задумался. Слишкомъ рѣзкіе контрасты жизни въ теченіе нѣсколькихъ часовъ предстали предо мной! Евграфовъ, съ тоской совѣтующійся со мною, какъ ему лучше устроить совместную жизнь со своей милой; она, бѣгущая къ его трупѣ, презирая всѣ обычаи, твердо говоря, что ей все равно; сынъ, мстящій одной изъ женъ своего отца...

«Что за чушь?» невольно думалъ я.

Мнѣ хотѣлось увидѣть убійцу, посмотрѣть на него: мнѣ казалось, что я прочту на его лицѣ, въ глазахъ, что заставило его зарѣзать Евграфова и жену отца.

Я отправился въ конецъ кочевья, къ юртѣ старшины, куда были отведенъ убійца. Проходя по кочевью, я увидѣлъ вдали большую толпу туркменъ. Толпа что-то кричала и ожесточенно жестикулировала. При моемъ приближеніи всѣ сразу замолкли. Изъ толпы выдѣлился старикъ-туркменъ громаднаго роста, съ большой сѣдой бородой. Онъ медленно подошелъ ко мнѣ и, опустившись на правое колѣно, сдѣлалъ «селямъ» (приложилъ правую руку къ сердцу, къ губамъ и къ головѣ, что означаетъ: все, что можетъ желать сердце, что могутъ высказать уста и создать мозгъ, — все принадлежитъ тебѣ). Затѣмъ, поднявшись, медленно заговорилъ:

— Бачка, мы шли къ тебѣ, но ты самъ пришелъ къ намъ: помилуй, бачка, отпусти его! Онъ не виноватъ, что казака твоего зарѣзалъ. Онъ правъ: мы всѣ, старики, рѣшили такъ.

И, поднявъ правую руку, близко подошелъ ко мнѣ.

— Пойми, у тебя Богъ есть и у насъ тоже есть,—торопливо сталъ выкрикивать старикъ.—Пойми, бачка, что, вѣдь, у всякаго свой Богъ есть! За честь отца вступился онъ: старикъ, тотъ слабъ, самъ не могъ. Помилуй, прости его, бачка; онъ правъ, мы своимъ судомъ рѣшили такъ. Не пиши своихъ бумагъ, прости его, бачка¹⁾.

Вся толпа туркменъ, по знаку старика, опустилась на колѣни, сложивъ ладонями руки внизъ и опустивъ низко головы.

Я стоялъ совершенно ошеломленный.

— Поймите же,—обратился я къ старику:—что я ничего не могу сдѣлать: онъ убилъ двухъ людей, и по закону я долженъ отдать его судьямъ, а они разсудятъ... Я же не имѣю право прощать или наказывать.

Толпа, не понимавшая, что говорю я, продолжала стоять на колѣняхъ.

Старикъ, сверкнувъ на меня глазами, скомаандовалъ народу встать.

Подойдя ко мнѣ, онъ, презрительно дотронувшись до лѣвой стороны моей груди, медленно произнесъ:

¹⁾ Бачка—господинъ.

— Нѣтъ у тебя ни сердца, ни Бога... Одинъ законъ да бумаги у тебя только жить тутъ. Жили мы хорошо, мирно, какъ Аллахъ велитъ и сердце говоритъ. Пришли сюда къ намъ вы, урусы проклятые, и сразу свои законы поставили: женъ чужихъ воровать, все воровать, все себѣ забирать и по свой законъ потомъ за это себя оправдать. Теперь дѣлай, какъ хочешь, мы свое тебѣ все сказали.

Онъ наклонился ко мнѣ и тихо прошепталъ:

— Мы свой законъ—сердца законъ сдѣлали. Онъ далеко теперь бѣжалъ. А два казака, что сторожили его, пойдѣ, погляди, вонъ тамъ связаны лежать. Хочешь, зарѣжемъ, чтобы молчали? Насъ больше восьми сотенъ будетъ, а тебя съ казаками и рабочими и семи десятковъ нѣтъ: теперь бей насъ, коли можешь!

— Но разъ онъ бѣжалъ, зачѣмъ же вы притворялись, просили о помилованіи?—спросилъ я.

Старикъ хитро улыбнулся.

— А что съ тобой говорилъ,—это чтобы онъ подальше бѣжалъ, погоня чтобы не догналъ... Пиши свой бумага всему начальству; пушки-ружья зови—всѣ мы, какъ одинъ, скажемъ: «ничего не знаемъ, никакого казака не видали; кто зарѣзалъ—не знаемъ; женщины не было нашей—чужая намъ та, и онъ указалъ рукой въ степь.

— Ничего не знаемъ...—спокойно закончилъ старикъ.

Я молча повернулся, ушелъ обратно въ юрту, гдѣ составилъ рапортъ начальству о томъ, что неизвѣстно кѣмъ зарѣзанъ казакъ Евграфовъ, не упомянувъ ни слова о туркменкѣ, и отправилъ донесеніе съ казакѣмъ.

На слѣдующее утро мы хоронили Евграфова.

Казаки гдѣ-то раздобыли широкихъ досокъ, изъ которыхъ сколотили похожій на старообрядческую колоду гробъ.

Евграфова одѣли въ новый мундиръ, рану на шеѣ повязали бѣлымъ платкомъ.

Онъ былъ красивъ въ гробу—лицо задумчивое, какъ было у него наканунѣ смерти, во время разговора со мной.

Медленно, въ сопровожденіи всѣхъ казаковъ и рабочихъ, гробъ на плечахъ казаковъ былъ отнесенъ далеко въ степь, гдѣ все-таки казаки изъ маленькихъ кольевъ ухитрились соорудить, какъ просилъ меня старшой урядникъ, «оградочку»: попросту говоря, окружили кольями квадратную сажень земли, а снаружи вырыли могилу.

Одинъ изъ стариковъ-казаковъ нараспѣвъ, гнусавымъ голосомъ прочиталъ нѣсколько молитвъ.

Всѣ хоромъ спѣли:

«Ступай, душа, въ рай, такъ и надо, чтобы въ рай».

Быстро опустили гробъ, зарыли и поставили самодѣльный восьмиконечный крестъ.

Казаки дали залпъ изъ ружей.

И остался отъ Евграфова только синеватый пороховой дымъ.

Въ это же время около ручья, на мѣстѣ кровавой драмы, подъ заунывныя пѣсни и тоскующіе звуки «зурнабъ» (струнный инструментъ) предали землѣ бѣдную мученицу любви и предразсудковъ. Все тѣло ея было обвито яркими шелковыми лентами и матеріями. Лицо плотно закрыто «чернымъ» нечарчафъ (плотное шелковое покрывало).

На похоронахъ присутствовали только женщины и дѣти.

Джануръ.

